

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-3.ff9e-g286

EDN: WLUBQR

УДК 316.334.22

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА ВАСЬКОВА

Тюменский государственный университет

Тюмень, Россия

АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ АФФЕКТ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТРУД МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация: В статье рассматривается феномен алгоритмического аффекта — режима эмоционального регулирования, возникающего на пересечении цифровых платформ, алгоритмического формирования и молодежных практик самопрезентации. На основе обзора социологической литературы об эмоциональном труде, аффекте, алгоритмическом контроле и цифровом благополучии автором предлагается теоретическая рамка для анализа того, как алгоритмы задают нормы видимости и эмоциональной выраженности, превращая эмоции в объект управления и товар. Обосновывается тезис об особенной уязвимости молодежи к таким режимам в силу интенсивной включенности в платформенную среду, незавершенности идентификационных процессов и высокой чувствительности к социальному одобрению. Выявляются ключевые исследовательские лакуны: недостаточная операционализация алгоритмического аффекта, фрагментарность эмпирических данных о специфике эмоционального труда в цифровой среде и слабая интеграция социологии эмоций с исследованиями платформенного управления. Статья представляет научно-аналитический обзор основных публикаций в данной сфере и не включает собственных эмпирических разработок автора.

Ключевые слова: алгоритмический аффект, эмоциональный труд, цифровой контроль, молодежь, платформенное управление, самопрезентация, алгоритмическая видимость

Ссылка для цитирования: Васькова А. А. Алгоритмический аффект: эмоциональный труд молодежи в условиях цифрового контроля // Петербургская социология сегодня — 2026. — Т. 18. — № 3. — С. 46–66. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-3.ff9e-g286; EDN: WLUBQR

Введение

Цифровые платформы, первоначально воспринимавшиеся как нейтральные посредники между заказчиками и исполнителями, сегодня превратились в мощных акторов, регулирующих не только экономический

обмен, но и саму эмоциональную жизнь участников. В сервисной сфере, где занята значительная доля молодежи, этот сдвиг ощущается особенно остро. Традиционные формы управления, основанные на прямых указаниях менеджера и корпоративных скриптах, все чаще замещаются алгоритмическими системами, которые не только распределяют заказы и следят за качеством их выполнения, но и активно формируют среду, вызывающую у работника «нужные платформе» аффективные состояния. Молодой курьер, водитель такси или фрилансер оказывается включенным в непрерывный цикл: push-уведомление выступает в качестве триггера, рейтинг как стимул побуждает к дополнительным эмоциональным инвестициям, геймифицированные бонусы замыкают петлю обратной связи. Этот феномен требует пересмотра классических представлений об эмоциональном труде.

Понятие «эмоциональный труд», введенное Арли Рассел Хокшилд [1], описывает управление чувствами в соответствии с корпоративными «правилами чувств» как неотъемлемую часть работы в сфере услуг. А. Р. Хокшилд показала, что такой труд, требующий поверхностной или глубокой игры, отчуждается от работника и может вести к эмоциональному диссонансу и выгоранию. Однако в условиях платформенной занятости «правила чувств» перестают быть эксплицитными и исходить от человека-менеджера. Их носителем становится алгоритм работы — непрозрачный, действующий быстрее рационального осознания и адресующийся не только к сознанию, но и к телу работника. Именно это измерение раскрывает концепция алгоритмического аффекта, разработанная Теро Карппи [2] на материале социальной сети Facebook¹. Т. Карппи определяет аффект в делёзианском ключе² как интенсивность, циркулирующую между телами и средой, и показывает, что платформа выстраивает с пользователями «аффективные узы», которые трудно разорвать. Алгоритм, по Т. Карппи, выступает внечеловеческим актором, который «отслеживает вовлеченность, чтобы стимулировать участие», и модулирует аффективные столкновения так, что «аффект порождает участие, а участие порождает новые аффективные столкновения» [2, с. 55].

Актуальность темы обусловлена несколькими условиями. Во-первых, тем, что во всем мире исследования фиксируют рост тревожности, депрессивных симптомов и расстройств психического здоровья среди

¹ Деятельность компании Meta Platforms Inc. (владеющей социальными сетями Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации как экстремистская.

² Автор статьи имеет в виду французского философа Жюль Делёза (1925–1995).

молодежи, причем значительная часть этих данных связывается с характером использования социальных медиа [3]. Во-вторых, цифровые платформы трансформируют саму структуру эмоционального опыта: эмоции перестают быть сугубо приватным переживанием и становятся объектом постоянного мониторинга, оценки и коммодификации, что находит свое отражение в концепции «эмоционального капитализма» [4] и в современных исследованиях алгоритмического управления аффектом [2, 5]. В-третьих, молодежь, выступающая наиболее активной аудиторией социальных сетей, оказывается в эпицентре этих процессов. Однако теоретическое осмысление алгоритмического аффекта как социологического феномена остается фрагментарным [6, 7].

Цель статьи — предложить теоретическую рамку для анализа алгоритмического аффекта как новой формы эмоционального труда в условиях цифрового контроля. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: систематизировать теоретические подходы к эмоциональному труду и аффекту; обобщить эмпирические исследования цифровой самопрезентации молодежи, платформенного контроля и психологического благополучия; выявить механизмы конструирования алгоритмами норм эмоциональной выраженности; обосновать особую уязвимость молодежи к алгоритмическому аффекту; определить ключевые исследовательские лакуны и перспективы дальнейших исследований.

Теоретические подходы к эмоциональному труду и аффекту

Теория эмоционального труда, сформулированная Арли Рассел Хокшилд [1], выросла из драматургической социологии И. Гофмана [8] и символического интеракционизма. В работе «Управляемое сердце: коммерциализация человеческих чувств» [1, 9] А. Р. Хокшилд перенесла анализ управления впечатлениями из повседневной жизни в плоскость трудовых отношений. А. Р. Хокшилд определяет эмоциональный труд как управление чувствами с целью создания публично наблюдаемого выражения лица и тела, продаваемого за заработную плату [1, с. 7]. В сервисной экономике способность вызывать и демонстрировать определенные эмоции становится частью рабочей силы и приобретает меновую стоимость.

Ключевое различие проводится между двумя стратегиями: поверхностной игрой (симуляция требуемой эмоции без изменения внутреннего состояния) и глубокой игрой (активная внутренняя работа по вызову

у себя нужного чувства). Обе стратегии, по А. Р. Хокшильд, ведут к отчуждению от собственных эмоций и могут порождать эмоциональный диссонанс — хроническое расхождение между переживаемым и демонстрируемым чувством. Долговременными последствиями становятся профессиональное выгорание, цинизм и утрата чувства подлинности.

В российской социологии теория эмоционального труда получила развитие в работах О. А. Симоновой, а также Ю. В. Лобановой и С. П. Михайловой [10–12]. О. А. Симонова (2023) акцентирует амбивалентность эмоционального труда: при наличии автономии и коллективной поддержки он может выступать не только источником отчуждения, но и ресурсом самореализации [11]. При этом в исследованиях фиксируется устойчивый миф о «работе, приносящей удовольствие», который вступает в противоречие с реальностью эмоционального труда в сервисной сфере [12]. В контексте платформенной занятости, где, по наблюдениям В. В. Гаврилюк, В. Ю. Бочарова и Т. В. Гаврилюк [13], отсутствует устойчивый коллектив, а сама занятость сопряжена с рядом специфических вызовов, эмоциональный труд может приобретать преимущественно деструктивный характер, ведя к истощению и размыванию профессиональной идентичности.

В контексте цифровой трансформации исследователи переосмысливают дихотомию А. Р. Хокшильд. Датский социолог Й. Бьёрре вводит понятие «внутренней сцены» (inner stage), предлагая анализировать внутреннюю жизнь как социально организованную область рефлексивного перформанса, а не как приватное пространство «подлинных» чувств [14]. Тем самым он переносит фокус с вопроса об аутентичности переживаний на анализ того, как различные уровни взаимодействия (внешние и внутренние) организуют эмоциональный опыт. Го-Ын Бэ и Минджэ Чой концептуализируют эмоциональный труд как «аффективное управление» (affective governance) — систему, которая кодирует и структурирует аффект работников, в том числе через алгоритмические метрики, и может закреплять гендерное и расовое неравенство [15].

Использование категорий эмоционального труда применительно к цифровой среде требует прежде всего уточнения самого понятия «аффект». В социологических и культурологических исследованиях последних десятилетий утвердилось различие между эмоцией как осознанным, вербализуемым переживанием, имеющим культурно-специфичные сценарии выражения, и аффектом как дорефлексивным телесным состоянием, возникающим во взаимодействии человека со средой [16, 17]. Эмоции представляют собой дискурсивно оформленные и социально нормированные аффективные состояния, тогда как

аффект — это телесный потенциал реагирования, который может быть активирован быстрее, чем возникнет осознанная эмоция [16, с. 88; 17, с. 4–5]. Цифровые платформы, как будет показано, целенаправленно воздействуют именно на этот доличностный уровень.

В цифровой среде трансформируются оба измерения. Во-первых, традиционное различие между трудовым и внетрудовым пространством оказывается размытым: пользователи социальных сетей осуществляют эмоциональную работу как в контексте оплачиваемой занятости (блогеры, инфлюенсеры, контент-мейкеры), так и в качестве, казалось бы, «свободного» досуга. Во-вторых, алгоритмы сами становятся субъектами, устанавливающими «правила чувствования» (feeling rules) в терминологии А. Р. Хокшильд, но эти правила имплицитны: они не проговариваются явно, а материализуются через рекомендательные системы, ранжирование контента и механизмы обратной связи (лайки, комментарии, просмотры) [5]. В результате эмоциональная жизнь оказывается объектом непрерывного мониторинга и коммодификации [4, 5]. Однако, в отличие от классической модели эмоционального капитализма, где управление эмоциями адресовано сознанию работника (через корпоративные скрипты и тренинги), в цифровой среде контроль смещается на уровень аффекта. Как аргументирует Теро Карппи на материале Facebook¹, платформы стремятся сформировать аффективные узы, которые удерживают пользователя через доличностные интенсивности — тревогу, азарт, страх упущенной выгоды, — возникающие быстрее рационального осмысления [2]. Алгоритм труда в этой перспективе выступает не как нейтральный инструмент, а как внечеловеческий актор, модулирующий саму способность тела чувствовать и вовлекаться.

Таким образом, цифровая среда не просто усиливает или ослабляет эмоциональный труд, но порождает качественно иной режим аффективного управления, где нормы эмоциональной выраженности встроены в архитектуру интерфейса и действуют на дорефлексивном уровне [2, с. 55].

В социологической литературе последних лет утвердилось понимание алгоритмов не как технических инструментов, а как форм управления поведением и организации социальности. С момента выхода книги Сафийи Нобл «Algorithms of Oppression» стало очевидным, что алгоритмы не нейтральны: они воспроизводят и усугубляют существующие социальные иерархии и предрассудки [18]. Алгоритмическая

¹ Деятельность компании Meta Platforms Inc. (владеющей социальными сетями Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации как экстремистская.

дискриминация, как подчеркивается в исследованиях, представляет собой оцифрованную форму дискриминации по признакам пола, класса, расы и других категорий, существовавшей в обществе задолго до цифровых платформ [18]. Однако в алгоритмической среде эта дискриминация становится менее явной, более трудно оспариваемой, поскольку она закреплена в коде и метриках, а не в эксплицитных правилах или действиях конкретных лиц.

В более широком смысле алгоритмический контроль может быть осознан как форма управления, которая через рекомендательные системы, персонализацию контента и механизмы модерации задает рамки того, что является видимым, что усиливается и что подвергается санкциям. Христиан Катценбах (2021) предлагает рассматривать алгоритмическое управление как интеграцию трех перспектив: дискурсивной (как алгоритмы артикулируются и легитимируются), нормативной (какие ценности и правила они внедряют) и технологической (как устроены сами вычислительные процедуры) [19]. Такой подход позволяет увидеть, как алгоритмическое формирование одновременно опирается на существующие культурные нормы и активно их переопределяет, создавая новые конфигурации допустимого и желательного эмоционального выражения.

С точки зрения пользователя, алгоритмы действуют как «агенты видимости»: они определяют не только то, что пользователь увидит, но и то, каким образом сам пользователь будет видим для других [5]. Исследователи вводят понятие «рефлексивной алгоритмической видимости» — осознания пользователем того, что его действия отслеживаются платформами и алгоритмами и его поведение корректируется на основе этой осведомленности [20]. Этот процесс порождает специфическую форму власти, которую можно назвать «алгоритмической нормативностью»: пользователи вынуждены адаптировать свои действия, включая эмоциональные проявления, к непрозрачным и постоянно меняющимся критериям алгоритмической оценки.

Применительно к эмоциональному труду алгоритмический контроль означает, что правила чувств перестают быть эксплицитными предписаниями (как в классических сервисных профессиях) и превращаются в имплицитные требования, встроенные в интерфейс и метрики. Например, платформа выдает рейтинг, который падает после каждой жалобы, и работник сам достраивает поведение, чтобы восстановить рейтинг, а вместо фиксированного рабочего времени поступающие push-уведомления и геймифицированные бонусы стимулируют круглосуточную доступность его труда. Важно зафиксировать ключевое отличие

алгоритмического контроля от традиционного бюрократического или корпоративного контроля: он не опирается на прямое человеческое распоряжение, обратную связь и возможность апелляции; он действует через «черный ящик», чья логика остается для работника в значительной степени непрозрачной.

Таким образом, алгоритмический контроль выступает необходимой рамкой для понимания алгоритмического аффекта: если аффективная модуляция работает на доличностном уровне, запуская телесные интенсивности, то алгоритмический контроль обеспечивает институциональные и интерфейсные условия, в которых эта модуляция становится возможной и эффективной.

Исследования самопрезентации

Одно из активно развивающихся направлений — изучение того, как молодые люди конструируют и презентуют себя в социальных сетях. В основе многих работ лежит драматургическая метафора И. Гофмана [8], согласно которой индивиды управляют впечатлениями через разделение на «переднюю» и «заднюю» сцены. В цифровой среде это различие сохраняется, но приобретает специфические формы: практика ведения альтернативных аккаунтов позволяет молодым пользователям сегментировать идентичность, создавая отдельные пространства для разных аудиторий.

Исследования фиксируют, что пользователи вырабатывают «алгоритмические фолк-теории» — неформальные представления о работе алгоритмов ранжирования и на их основе корректируют стратегии самопрезентации [20]. Такие корректировки включают выбор времени публикации, использование хештегов и эмоциональную самоцензуру — подавление «неудобных» эмоций, которые могут снизить вовлеченность. Это ведет к гомогенизации цифровых идентичностей и сужению разнообразия выражаемых позиций [2, 5]. Молодые люди, чья самооценка еще формируется, особенно чувствительны к «воображаемым алгоритмическим аудиториям», что делает их более склонными к подстройке под алгоритмические ожидания.

Другая группа исследований фокусируется на механизмах платформенного контроля. Современные платформы функционируют как «машины удержания» [2], непрерывно анализирующие цифровые следы и выстраивающие среду, вызывающую аффективные реакции — тревогу, азарт, страх упущенной выгоды. Алгоритмы намеренно продвигают эмоционально насыщенный контент, поскольку он максимизирует

вовлеченность [21]. Исследователи выделяют три типа операций платформенного управления: решение о видимости (какой контент показывать), решение об усилении (что распространять шире) и решение о санкционировании (что удалять или скрывать), каждое из которых напрямую затрагивает эмоциональную сферу пользователей [5, 19]. Понятие «алгоритмической видимости» (*algorithmic visibility*) фиксирует новый тип социального неравенства: пользователи, лучше понимающие логику работы алгоритмов (или обладающие более правдоподобными фолк-теориями), могут добиваться большей заметности за счет целенаправленной подстройки своего поведения [20]. При этом эффекты платформенного контроля распределены гетерогенно. Как показывают Л. Донадони и его соавторы, в крупных подростковых когортах лишь 10–15% пользователей часть имеют значимую корреляцию между использованием социальных платформ и психологическим дистрессом [22]. Это указывает на то, что уязвимость к алгоритмическому воздействию сконцентрирована в определенных группах, а не является универсальной для всех молодых пользователей.

Эмпирические исследования демонстрируют устойчивую связь между использованием визуально ориентированных платформ и ухудшением психического здоровья молодежи. Ключевыми параметрами при этом выступают курируемые онлайн-персоны, давление сверстников, стремящихся к созданию «идеального» цифрового образа, и постоянный поток уведомлений [21]. Исследование «*Social media algorithms, ai, and mental health: social comparison and psychological well-being — a theoretical framework*» (2025) выявило значимые возрастные различия: молодые участники (18–25 лет) сообщают о более высоком уровне тревожности и зависимости от внешнего подтверждения, тогда как пользователи среднего возраста демонстрируют большую чувствительность к алгоритмическому влиянию и социальным нормам [23].

Страх упущенной выгоды (*Fear of Missing Out — FoMO*) выступает значимым медиатором между интенсивностью использования социальных сетей и симптомами тревоги и депрессии. Как показывают исследования, FoMO негативно связан с психологическим благополучием: более высокий уровень FoMO коррелирует с более низким уровнем психологического благополучия [24]. Л. Донадони с коллегами вводят понятие «алгоритмической ловушки» — состояния, когда пользователь попадает в замкнутый цикл рекомендательного контента, ведущий к умственному утомлению [22]. Исследования платформенного труда показывают, что система рейтингов превращает каждого клиента в «контролера», порождая хронический стресс и отсутствие «задней сцены» для эмоционального

восстановления. При этом прозрачность алгоритмов может снижать негативные эффекты, однако геймификация их усиливает [25]. В отдельных случаях, при наличии устойчивых социальных связей, эмоциональный труд может стать «щитом», смягчающим выгорание, однако в платформенной занятости такие условия возникают редко [26].

Российские исследователи вносят свой вклад в обсуждаемую проблематику. Е. С. Пронкина [27] рассматривает репрезентации эмоционального опыта в социальных медиа как конструкты, ориентированные на самопрезентацию и коммуникацию, и указывает на методологическую сложность доступа к «реальному» переживанию. А. А. Чутанская и Е. Н. Махмутова (2023) на материале психолингвистического анализа текстов изучили особенности эмоциональных реакций молодежи в сетевом общении и показали, что анализ психолингвистических параметров (лексика, синтаксис, использование эмодзи, интенсивность оценочных суждений) позволяет реконструировать цифровые «субличности» пользователей, которые могут отличаться от их офлайн-поведения [28]. Это различие реальной личности и ее сетевой репрезентации напрямую соотносится с теорией эмоционального труда, где ключевым является расхождение между переживаемой и демонстрируемой эмоцией.

Таким образом, исследование Т. Карппи [2], выполненное на материале Facebook¹, показывает, как платформа формирует «аффективные узы» с пользователями и поддерживает их вовлеченность посредством алгоритмических механизмов. Перенос этой оптики на трудовые платформы не является метафорическим: курьеры, водители такси и фрилансеры находятся в том же цикле «аффект — участие — новый аффект». Рейтинг выполняет функцию, аналогичную кнопкам реакций, но с экономическими последствиями — его падение вызывает тревогу и стимулирует дополнительный эмоциональный труд. Уведомления стирают границу между работой и отдыхом, а геймификация усиливает аффективную связь с платформой, переключая мотивацию с внутренней на внешнюю [25]. Синтез логик А. Р. Хокшилд (коммерциализация чувств) и Т. Карппи (аффективная модуляция) образует теоретическое ядро: алгоритмический аффект — управление не действиями и даже не эмоциями, а самой способностью человека чувствовать и вовлекаться до рефлексии. Молодежь оказывается дважды погруженной: в среду социальных сетей и в платформенную занятость. Это делает ее одновременно наиболее адаптивной и наиболее уязвимой.

¹ Деятельность компании Meta Platforms Inc. (владеющей социальными сетями Facebook и Instagram) запрещена на территории Российской Федерации как экстремистская.

Алгоритмическая нормативность и правила чувствования

Ключевой механизм алгоритмического аффекта — формирование имплицитных правил того, какие эмоции видимы, желательны и вознаграждаемы. В отличие от классической модели А. Р. Хокшильд, где правила чувств эксплицитны, в цифровой среде они материализуются через архитектуру платформы: алгоритмы ранжирования продвигают эмоционально насыщенный контент (гнев, восторг, тревогу), поскольку он генерирует вовлеченность [2, 21]. Чтобы быть замеченным, пользователь должен выражать эмоции с высокой интенсивностью и в форматах, распознаваемых как «искренние». Это ведет к парадоксу: требование аутентичности порождает стандартизацию эмоционального выражения. Алгоритмическая нормативность действует на трех уровнях: видимости, усиления и санкций, что порождает «алгоритмическую тревогу» [5]. Для молодежи чья идентичность еще формируется, эта нормативность создает дополнительное давление, риск отчуждения от собственных эмоций.

В цифровой среде спектр форм эмоционального труда значительно шире, чем дихотомия поверхностной и глубокой игры. Выделяются пять основных форм.

1. Труд по поддержанию алгоритмической видимости. Пользователи корректируют поведение для максимизации метрик вовлеченности, что требует постоянного внимания к лайкам, комментариям и рейтингу [20].

2. Постоянная рефлексия о собственном эмоциональном состоянии в ответ на алгоритмические стимулы. Эта форма близка к глубокому действию, но разворачивается как фоновый режим повседневности [14].

3. Эмоциональный труд взаимодействия с алгоритмически сгенерированным контентом. Пользователь оценивает и реагирует на контент, который показывают ему алгоритмы, выполняя неоплачиваемую работу по маркировке собственного аффекта [2].

4. Труд по поддержанию аутентичности. В условиях стандартизации от пользователя ожидают спонтанности, что требует дополнительных усилий для создания впечатления искренности [29].

5. Труд по сопротивлению алгоритмической модуляции (управление отключением), то есть сознательные усилия по ограничению времени на платформе, отключению уведомлений, выходу из системы. Платформа противодействует этому эмоционально заряженным стимулам [2, 30].

Эти формы отличаются непрерывностью, неотчуждаемостью от повседневности и слабой рефлексивностью, что делает их особенно тяжелыми для молодежи.

Молодежь (16–30 лет) обнаруживает особую восприимчивость к алгоритмическому аффекту. Такая восприимчивость обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств. Во-первых, это высокая интенсивность вовлеченности в цифровую среду: в Австралии 97% молодых людей в возрасте 15–19 лет ежедневно пользуются социальными сетями, а 38% из них проводят там три часа и более [31]. Для многих молодых людей интернет-среда становится одним из ведущих институтов социализации, что подтверждается исследованиями цифровой социализации в России [32]. Во-вторых, в возрасте 16–30 лет активно формируется идентичность, и социальные сети становятся ключевым пространством для ее конструирования, а алгоритмическая обратная связь — значимым ресурсом самооценки [25]. Исследования показывают, что в этот период зависимость от внешнего подтверждения достигает пика, а механизмы рефлексивной саморегуляции еще не полностью сформированы [23]. В-третьих, молодые люди особенно остро переживают страх упущенной выгоды (FoMO). Обзор социальных и медийных трендов среди поколения Z 2025 г. подтверждает, что FoMO тесно связан с повышением тревожности, склонностью к социальному сравнению и неблагоприятными психическими исходами среди подростков, а сам страх упущенной выгоды подпитывается алгоритмическими механизмами — бесконечной лентой и персонализированными уведомлениями. Метаанализ 2025 г. (PLOS ONE), охвативший 26 166 студентов, выявил устойчивую положительную корреляцию между зависимостью от социальных сетей и уровнем FoMO ($r = 0,41$), а также тревогой и депрессией ($r = 0,31$) [33]. В-четвертых, эмоциональная регуляция в подростковом и молодом возрасте продолжает развиваться: нейробиологические исследования показывают, что способность к когнитивной переоценке (cognitive reappraisal) как стратегии сознательного управления эмоциями окончательно созревает лишь к позднему подростковому возрасту. Переход от подросткового к взрослому возрасту сопровождается качественными изменениями в сетях эмоциональной регуляции, что подтверждается и данными о возрастных различиях в интеграции регуляторных навыков. В-пятых, молодые работники платформ находятся в ситуации двойной погруженности: с одной стороны, они являются «коренными жителями» алгоритмически насыщенной среды социальных сетей, с другой — сталкиваются с неустойчивостью платформенной занятости, ее психологическими и профессиональными рисками. Исследование 2025 г. на выборке из 450 молодых россиян (18–35 лет), занятых на цифровых платформах (доставка, фриланс и др.), фиксирует феномен когнитивного диссонанса, возникающий из-за осознания рисков такой

занятости при отсутствии реалистичных альтернатив. В свою очередь, платформенная занятость с высокой степенью зависимости связана с повышенным уровнем психологического дистресса по сравнению с традиционными формами занятости. Эти обстоятельства действуют не изолированно, а во взаимном усилении, что придает описываемой уязвимости структурный, а не индивидуально-психологический характер.

Таким образом, представленный обзор выявляет несколько ключевых противоречий. Первое — между широко распространенным ожиданием, что социальные платформы будут улучшать социальные взаимодействия и способствовать психическому благополучию, и эмпирически зафиксированной реальностью систематического продуцирования дистресса, тревожности и симптомов депрессии [3, 21, 22]. Второе — между устойчивым требованием аутентичности, которое платформы предъявляют пользователям, и алгоритмическими механизмами, которые на практике ведут к стандартизации эмоционального выражения и симуляции спонтанности [20, 29, 34]. Третье — между официальной самопрезентацией платформ как нейтральных посредников, лишь соединяющих спрос и предложение, и их реальной ролью активных акторов, которые через код и метрики конструируют эмоциональную нормативность, распределяют видимость и присваивают возникающую аффективную стоимость [2, 5, 18, 19]. Четвертое — между амбивалентным характером эмоционального труда, который в одних условиях может быть ресурсом самореализации, а в других — источником отчуждения, и его преимущественно негативной трактовкой в исследованиях платформенной занятости, в которых условия для позитивной реализации, как правило, отсутствуют [1, 11, 26].

Наряду с выявленными противоречиями в исследовательском поле обнаруживаются систематические лакуны. Во-первых, недостаточная операционализация самого понятия «алгоритмический аффект»: отсутствуют надежные шкалы и индикаторы для его эмпирического измерения, что затрудняет верификацию теоретических моделей. Во-вторых, фрагментарность эмпирических данных о том, как различные типы алгоритмов (рекомендательные, ранжирующие, модерационные) связаны с конкретными аспектами эмоционального труда — поверхностной и глубокой игрой, эмоциональным диссонансом, выгоранием [7, 25]. В-третьих, отсутствие сравнительных исследований алгоритмического аффекта в разных культурных, институциональных и нормативных контекстах, что не позволяет отделить универсальные механизмы платформенного управления от культурно-специфичных [26]. В-четвертых, слабая интеграция двух исследовательских традиций: социологии

эмоций (с ее фокусом на микродинамику управления чувствами) и критических платформенных исследований (с акцентом на внечеловеческих акторов и алгоритмическую власть), что препятствует созданию целостной аналитической рамки [14, 15]. В-пятых, дефицит работ о стратегиях сопротивления алгоритмической модуляции — данная тема лишь косвенно затрагивается в исследованиях [30].

Обсуждение

Проведенный обзор позволяет выделить несколько исследовательских традиций, каждая из которых вносит вклад в понимание алгоритмического аффекта, но имеет свои ограничения. Символический интеракционизм и драматургическая социология дают микроаналитику управления впечатлениями, однако не учитывают внечеловеческих акторов и остаются в рамках синхронного офлайн-взаимодействия. Теория эмоционального труда А. Р. Хокшилд концептуально четко описывает коммодификацию чувств, но предполагает эксплицитные правила и человеческий контроль, тогда как в цифровой среде правила чувств имплицитны, а контролером выступает заданный алгоритм. Аффективная теория Т. Карппи охватывает доличностную модуляцию и роль внечеловеческих акторов, однако ориентирована преимущественно на досуговую платформу и страдает неоперационализируемостью ключевых понятий. Исследования алгоритмического контроля и видимости дают макрооптику, но редко интегрируются с социологией эмоций видимости [5, 19, 20]. Российские исследования добавляют амбивалентность и контекстуальную специфику, однако эмпирически слабо адаптированы к анализу именно алгоритмического аффекта.

Интеграция этих традиций приводит к следующей интерпретации. Алгоритмический аффект — режим управления эмоциями и доличностными аффективными состояниями, возникающий на пересечении цифровых платформ, алгоритмического формирования и молодежных практик самопрезентации. Он характеризуется тремя чертами: персонифицированностью управляющего агента (алгоритм не вступает в диалог, не подлежит апелляции), непрерывностью контроля (стирание границы между трудом и отдыхом) и цикличностью (замкнутый цикл «аффект — действие — новый аффект», где эмоции становятся одновременно входным сырьем, продуктом и ресурсом). Правила чувств в этом режиме не исчезают, но воплощаются в архитектуре интерфейса и метриках — рейтинг «говорит» работнику, насколько успешно он управлял эмоциями, а алгоритмическая видимость «сообщает» пользователю

о соответствии норме. Алгоритмический аффект, таким образом, не отменяет эмоциональный труд, а интенсифицирует его и делает менее рефлексивным.

Социологическое значение этой интерпретации для анализа молодежных практик состоит в следующем. Если прежде агентами социализации выступали семья, школа и группы сверстников, то сегодня к ним добавились алгоритмические системы, чье влияние сопоставимо по масштабу. Молодые люди растут в среде, где алгоритмическое формирование составляет фоновое условие любого публичного высказывания. Это порождает специфические аффективные компетенции — «алгоритмическую эмоциональную грамотность», способность распознавать и критически дистанцироваться от алгоритмически сконструированных норм. Кроме того, анализ алгоритмического аффекта переформулирует вопросы о цифровом неравенстве: уязвимость к алгоритмическому контролю распределена неравномерно, и ее анализ требует учета не только экономических, но и аффективных аспектов.

Заключение

Представленный обзор теоретических и эмпирических исследований позволяет сформулировать ряд выводов, определить теоретический вклад данной статьи и наметить перспективы дальнейших исследований.

Обосновано, что алгоритмический аффект представляет собой новый режим управления эмоциями, возникающий на пересечении цифровых платформ, алгоритмического формирования контента и норм, а также молодежных практик самопрезентации [2, 5]. В отличие от классического эмоционального труда, описанного А. Р. Хокшильд, где правила чувств эксплицитны, а контроль осуществляется человеком-менеджером [1], алгоритмический аффект действует через имплицитную нормативность, встроенную в интерфейс и метрики платформы, и адресуется к доличностным аффективным состояниям, минуя рефлексивное осознание [2, 5].

Предложена и обоснована категория «алгоритмический аффект» как аналитического инструмента, интегрирующего два направления: социологию эмоционального труда и критические платформенные исследования. Этот синтез позволяет описывать механизмы управления, действующие на доличностном аффективном уровне и имеющие при этом трудовую, коммодифицированную природу.

Разработана теоретическая модель алгоритмического аффекта, включающая три взаимосвязанные характеристики и пять форм цифрового

эмоционального труда, специфичных для платформенной среды. В-третьих, систематизированы обстоятельства, формирующие уязвимость молодежи перед алгоритмическим аффектом, что позволяет перейти от индивидуально-психологических объяснений к структурно-социологическому анализу.

Выявлены и классифицированы исследовательские лакуны, что составляет необходимую основу для формирования научной повестки в данной области.

На основе проведенного анализа необходима эмпирическая верификация предложенной теоретической модели, включая разработку инструментов операционализации алгоритмического аффекта (опросников, шкал, поведенческих индикаторов) и проведение количественных и качественных исследований, в том числе лонгитюдных дизайнов, способных зафиксировать кумулятивные эффекты алгоритмической модуляции. Важным направлением являются сравнительные исследования алгоритмического аффекта в разных контекстах: различных типов платформ, различных возрастных когорт и различных культурных и институциональных сред, что позволит отделить универсальные механизмы от контекстуально-специфичных [26]. Особого внимания заслуживает изучение алгоритмического аффекта в российской молодежной среде, в том числе в рамках проекта РНФ № 25-28-00071, включая сравнение платформенной и неплатформенной занятости на российской выборке [13]. Необходимо также исследование стратегий сопротивления [30]. Продуктивным представляется развитие междисциплинарных подходов, интегрирующих социологию, психологию, медиаисследования и трудовое право, включая, например, психофизиологические измерения аффективных реакций в сочетании с социологическими опросами и интервью. На основе эмпирических данных могут быть разработаны прикладные рекомендации для платформ, образовательных программ, а также для формирования государственной политики регулирования платформенной занятости и защите прав молодых работников.

Таким образом, предложенная в статье теоретическая рамка алгоритмического аффекта систематизирует имеющееся знание на стыке социологии эмоций и платформенных исследований, а также задает направления эмпирических исследований, способных дать ответ на актуальный социальный вызов — рост тревожности, выгорания и неустойчивости профессиональной идентичности молодых людей в условиях цифрового контроля.

Источники

1. *Hochschild A. R.* The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. — Berkeley: University of California Press, 1983. — 327 p.
2. *Karppi T.* Disconnect: Facebook's Affective Bonds. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. — 184 p.
3. *Tsomokos D. I.* Adolescent social media use and psychiatric outcomes: a longitudinal mediation analysis via interpersonal distrust, sleep, and self-image // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. — 2025. — DOI: 10.1007/s00127-025-02999-w.
4. *Illouz E.* Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. — Cambridge: Polity Press, 2007. — 150 p.
5. *Bucher T.* If... Then: Algorithmic Power and Politics. — Oxford: Oxford University Press, 2018. — 240 p.
6. *Ahmmad M., Shahzad K., Iqbal A., Latif M.* Trap of Social Media Algorithms: A Systematic Review of Research on Filter Bubbles, Echo Chambers, and Their Impact on Youth // *Societies*. — 2025. — Vol. 15, no. 11. — P. 301. — DOI: 10.3390/soc15110301.
7. *Zhou Y., Li H., Yin P., Feng X.* Algorithmic Gatekeeping and Creator Economy: Differential Effects of Content Moderation on Digital Platforms // *ICIS 2025 Proceedings*. — 2025. — Paper 18.
8. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалева. — М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. — 304 с.
9. *Хокшильд А. Р.* Управляемое сердце: коммерциализация человеческих чувств / Пер. с англ. И. Кушнаревой. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 432 с.
10. *Симонова О. А.* Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. Р. Хохшильд // *Журнал исследований социальной политики*. — 2013. — Т. 11, № 3. — С. 339–354.
11. *Симонова О. А.* «Светлые» и «темные» стороны эмоционального труда: концепция отчуждения в теории А. Р. Хокшильд и современные исследования // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2023. — Т. 26, № 1. — С. 88–117. — DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.4.
12. *Лобанова Ю. В., Михайлова С. П.* Эмоциональные ожидания радости и удовольствия в процессе выбора профессии: мифология и реальность // *Манускрипт*. — 2024. — Т. 17, № 4. — С. 395–401.
13. *Гаврилюк В. В., Бочаров В. Ю., Гаврилюк Т. В.* Концепт «социального самочувствия» в исследовании молодежи, занятой в сервисной сфере экономики // *Семиотические исследования*. — 2025. — Т. 5, № 1. — С. 115–129.
14. *Bjerre J.* The inner stage: resituating Hochschild's surface/deep binary from action to interaction // *Theory and Society*. — 2025. — Vol. 54, no. 6. — P. 999–1019. — DOI: 10.1007/s11186-025-09578-1.
15. *Bae G.-E., Choi M.* Reconceptualizing Emotional Labor as Affective Governance: Gendered Institutionalization and Structural Inequality // *Sociology Compass*. — 2025. — Vol. 19, no. 4. — P. e70145. — DOI: 10.1111/soc4.70145.

16. *Massumi B.* The Autonomy of Affect // *Cultural Critique*. — 1995. — No. 31. — P. 83–109. — DOI: 10.2307/1354446.
17. *Wetherell M.* Affect and Emotion: A New Social Science Understanding. — London: Sage, 2012. — 200 p.
18. *Noble S. U.* Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism. — New York: NYU Press, 2018. — 256 p.
19. *Katzenbach C., Ulbricht L.* Algorithmic governance // *Internet Policy Review*. — 2019. — Vol. 8, no. 4. — DOI: 10.14763/2019.4.1424.
20. *Cotter K.* Playing the visibility game: How digital influencers and algorithms negotiate influence on Instagram // *New Media & Society*. — 2019. — Vol. 21, no. 4. — P. 895–913. — DOI: 10.1177/1461444818817284.
21. *Arora S., Arora S., Hastings J. D.* The psychological impacts of algorithmic and AI-driven social media on teenagers: A call to action // *arXiv preprint*. — 2024. — arXiv:2408.10351.
22. *Donadoni L., Marazziti D., Mucci F.* Algorithmic entrapment: The silent erosion of user autonomy and mental health // *Clinical Neuropsychiatry*. — 2025. — Vol. 22, no. 6. — P. 447–453.
23. *Ambully N., Kumar S., Pradhan M. R. et al.* Social Media Use and Mental Health Among Youth: A Comprehensive Review // *Journal of Affective Disorders Reports*. — 2025. — Vol. 19. — P. 100456. — DOI: 10.1016/j.jadr.2025.100456.
24. *Verma S.* The paradox of digital connectivity: Examining the relationship between attention, FOMO and social media integration in the era of AI algorithms among young adults // *Impact: International Journal of Global Mental Health*. — 2025. — Vol. 2, no. 1. — P. 15–29.
25. *Zhang Y., Chen L., Wang H. et al.* Invisible algorithms, visible outcomes: Roles of emotional labor and work gamification in gigs // *Computers in Human Behavior*. — 2025. — Vol. 169. — P. 108681. — DOI: 10.1016/j.chb.2025.108681.
26. *Liang M., Li K., Feng X.* Capital's Spear and Labor's Shield: Natural Emotional Labor among Domestic Workers in China // *Sociological Studies (Chinese Journal of Sociology)*. — 2022. — Vol. 37, no. 4. — P. 85–104. (На кит. яз.)
27. *Пронкина Е. С.* Методологические проблемы изучения репрезентаций эмоционального опыта в социальных медиа // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. — 2018. — № 3. — С. 100–112.
28. *Чутанская А. А., Махмутова Е. Н.* Подростки и молодежь в пространстве социальных сетей: к проблеме анализа эмоциональных реакций в сетевом общении // *Современные проблемы образования*. — 2023. — № 1–2. — С. 117–127.
29. *Duffy B. E., Hund E.* Gendered visibility on social media: Navigating Instagram's authenticity bind // *International Journal of Communication*. — 2019. — Vol. 13. — P. 4983–5002.
30. *Nielsen L. Y., Krøjer J., Nielsen M. L.* The entanglement of emotional labour and digital work platforms: A study of how professional gamers, influencers, and gig and crowd workers experience the affordances of digital work platforms // *MedieKultur*. — 2025. — Vol. 40, no. 78. — P. 167–188.

31. Orygen. New data indicates moderation is key to social media use for teens. — 2025. — URL: <https://www.orygen.org.au/News/2025/New-data-indicates-moderation-is-key-to-social-media-use-for-teens> (дата обращения: 26.05.2026).

32. Солдатова Г. В., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2021. — № 3. — С. 4–28.

33. Jing Z., Yang W., Lei Z., Junmei W., Hui L., Tianmin Z. Correlations between social media addiction and anxiety, depression, FoMO, loneliness and self-esteem among students: A systematic review and meta-analysis // PLOS ONE. — 2025. — Vol. 20, no. 9. — P. e0317892. — DOI: 10.1371/journal.pone.0317892.

34. Petre C., Duffy B. E., Hund E. “Gaming the System”: Platform Paternalism and the Politics of Algorithmic Visibility // Social Media + Society. — 2019. — Vol. 5, no. 4. — DOI: 10.1177/2056305119879995.

Сведения об авторе

Васькова Анастасия Алексеевна, лаборант-исследователь,
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия.
a.a.vaskova@utmn.ru

Статья поступила в редакцию: 09.06.2026;
поступила после рецензирования и доработки: 18.06.2026;
принята к публикации: 05.07.2026.

ANASTASIA A. VASKOVA

*Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation*

ALGORITHMIC AFFECT: EMOTIONAL LABOR OF YOUTH UNDER DIGITAL CONTROL

Abstract: The article examines the phenomenon of algorithmic affect — a new regime of emotional regulation emerging at the intersection of digital platforms, algorithmic curation, and youth self-presentation practices. Based on a review of sociological literature on emotional labor, affect, algorithmic control, and digital well-being, the author proposes a theoretical framework for analyzing how algorithms set norms of visibility and emotional expressiveness, turning emotions into an object of management and a commodity. The thesis is substantiated that young people are particularly vulnerable to these regimes due to their intensive involvement in the platform environment, the incompleteness of identification processes, and high sensitivity to

social approval. Key research gaps are identified: insufficient operationalization of algorithmic affect, fragmented empirical data on the specifics of emotional labor in the digital environment, and weak integration of the sociology of emotions with platform governance studies. The article is review theoretical in nature and is addressed to sociologists, digital platform researchers, and specialists in youth policy.

Keywords: algorithmic affect, emotional labor, digital control, youth, platform governance, self-presentation, algorithmic visibility

For citation: Vaskova A. A. Algorithmic affect: emotional labor of youth under digital control. *St. Petersburg Sociology Today*. 2026. Vol. 18. No. 3. P. 46–66. DOI: 10.25990/socinstras.pss-18-3.ff9e-g286; EDN: WLUBQR

References

1. Hochschild A. R. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley, University of California Press, 1983, 327 p.
2. Karppi T. *Disconnect: Facebook's Affective Bonds*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2018, 184 p.
3. Tsomokos D. I. Adolescent social media use and psychiatric outcomes: a longitudinal mediation analysis via interpersonal distrust, sleep, and self-image. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 2025. DOI: 10.1007/s00127-025-02999-w.
4. Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge, Polity Press, 2007, 150 p.
5. Bucher T. *If... Then: Algorithmic Power and Politics*. Oxford, Oxford University Press, 2018, 240 p.
6. Ahmmad M., Shahzad K., Iqbal A., Latif M. Trap of Social Media Algorithms: A Systematic Review of Research on Filter Bubbles, Echo Chambers, and Their Impact on Youth. *Societies*, 2025, vol. 15, no. 11, p. 301. DOI: 10.3390/soc15110301.
7. Zhou Y., Li H., Yin P., Feng X. Algorithmic Gatekeeping and Creator Economy: Differential Effects of Content Moderation on Digital Platforms. *ICIS 2025 Proceedings*, 2025, paper 18.
8. Gofman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life] / transl. from English by A. D. Kovalev. Moscow, KANON-press-Ts; Kuchkovo pole, 2000, 304 p. (In Russ.)
9. Khokshild A. R. *Upravlyаемое serdtse: kommertsializatsiya chelovecheskikh chuvstv* [The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling] / transl. from English by I. Kushnareva. Moscow, Delo RANEPa, 2019, 432 p. (In Russ.)
10. Simonova O. A. Emotsional'nyy trud v sovremennoy obshchestve: nauchnyye diskussii i dal'neyshaya kontseptualizatsiya idey A. R. Khokshild [Emotional labor in modern society: scientific discussions and further conceptualization of A. R. Hochschild's ideas]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2013, vol. 11, no. 3, pp. 339–354. (In Russ.)
11. Simonova O. A. "Svetlye" i "temnye" storony emotsional'nogo truda: kontseptsiya otchuzhdeniya v teorii A. R. Khokshild i sovremennyye issledovaniya [The "bright" and "dark" sides of emotional labor: the concept of alienation in A. R. Hochschild's theory and contemporary research]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2023, vol. 26, no. 1, pp. 88–117. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.4. (In Russ.)

12. Lobanova Yu. V., Mikhailova S. P. Emotsional'nyye ozhidaniya radosti i udovol'stviya v protsesse vybora professii: mifologiya i real'nost' [Emotional expectations of joy and pleasure in the process of choosing a profession: mythology and reality]. *Manuskript* [Manuscript], 2024, vol. 17, no. 4, pp. 395–401. (In Russ.)
13. Gavril'yuk V. V., Bocharov V. Yu., Gavril'yuk T. V. Kontsept “sotsial'nogo samochuvstviya” v issledovanii molodezhi, zanyatoy v servisnoy sfere ekonomiki [The concept of “social well-being” in the study of youth employed in the service sector of the economy]. *Semioticheskiye issledovaniya* [Semiotic Studies], 2025, vol. 5, no. 1, pp. 115–129. (In Russ.)
14. Bjerre J. The inner stage: resituating Hochschild's surface/deep binary from action to interaction. *Theory and Society*, 2025, vol. 54, no. 6, pp. 999–1019. DOI: 10.1007/s11186-025-09578-1.
15. Bae G.-E., Choi M. Reconceptualizing Emotional Labor as Affective Governance: Gendered Institutionalization and Structural Inequality. *Sociology Compass*, 2025, vol. 19, no. 4, p. e70145. DOI: 10.1111/soc4.70145.
16. Massumi B. The Autonomy of Affect. *Cultural Critique*, 1995, no. 31, pp. 83–109. DOI: 10.2307/1354446.
17. Wetherell M. *Affect and Emotion: A New Social Science Understanding*. London, Sage, 2012, 200 p.
18. Noble S. U. *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York, NYU Press, 2018, 256 p.
19. Katzenbach C., Ulbricht L. Algorithmic governance. *Internet Policy Review*, 2019, vol. 8, no. 4. DOI: 10.14763/2019.4.1424.
20. Cotter K. Playing the visibility game: How digital influencers and algorithms negotiate influence on Instagram. *New Media & Society*, 2019, vol. 21, no. 4, pp. 895–913. DOI: 10.1177/1461444818817284.
21. Arora S., Arora S., Hastings J. D. *The psychological impacts of algorithmic and AI-driven social media on teenagers: A call to action*. arXiv preprint, 2024. arXiv:2408.10351.
22. Donadoni L., Marazziti D., Mucci F. Algorithmic entrapment: The silent erosion of user autonomy and mental health. *Clinical Neuropsychiatry*, 2025, vol. 22, no. 6, pp. 447–453.
23. Ambully N., Kumar S., Pradhan M. R., et al. Social Media Use and Mental Health Among Youth: A Comprehensive Review. *Journal of Affective Disorders Reports*, 2025, vol. 19, p. 100456. DOI: 10.1016/j.jadr.2025.100456.
24. Verma S. The paradox of digital connectivity: Examining the relationship between attention, FOMO and social media integration in the era of AI algorithms among young adults. *Impact: International Journal of Global Mental Health*, 2025, vol. 2, no. 1, pp. 15–29.
25. Zhang Y., Chen L., Wang H., et al. Invisible algorithms, visible outcomes: Roles of emotional labor and work gamification in gigs. *Computers in Human Behavior*, 2025, vol. 169, p. 108681. DOI: 10.1016/j.chb.2025.108681.
26. Liang M., Li K., Feng X. Capital's Spear and Labor's Shield: Natural Emotional Labor among Domestic Workers in China. *Sociological Studies* (Chinese Journal of Sociology), 2022, vol. 37, no. 4, pp. 85–104. (In Chinese.)
27. Pronkina E. S. Metodologicheskiye problemy izucheniya reprezentatsiy emotsional'nogo opyta v sotsial'nykh media [Methodological problems of studying representations of emotional experience in social media]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya* [RSUH Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies], 2018, no. 3, pp. 100–112. (In Russ.)
28. Chutanskaya A. A., Makhmutova E. N. Podrostki i molodezh' v prostranstve sotsial'nykh setey: k probleme analiza emotsional'nykh reaktsiy v setevom obshchenii [Adolescents and youth in social networks: on the problem of analyzing emotional reactions

in online communication]. *Sovremennyye problemy obrazovaniya* [Modern Problems of Education], 2023, no. 1–2, pp. 117–127. (In Russ.)

29. Duffy B. E., Hund E. Gendered visibility on social media: Navigating Instagram's authenticity bind. *International Journal of Communication*, 2019, vol. 13, pp. 4983–5002.

30. Nielsen L. Y., Krøjer J., Nielsen M. L. The entanglement of emotional labour and digital work platforms: A study of how professional gamers, influencers, and gig and crowd workers experience the affordances of digital work platforms. *MedieKultur*, 2025, vol. 40, no. 78, pp. 167–188.

31. Orygen. *New data indicates moderation is key to social media use for teens*, 2025. URL: <https://www.orygen.org.au/News/2025/New-data-indicates-moderation-is-key-to-social-media-use-for-teens> (access date: 26.05.2026).

32. Soldatova G. U., Voyskunskiy A. E. Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoy sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [The social-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and the social evolution of the psyche]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2021, no. 3, pp. 4–28. (In Russ.)

33. Jing Z., Yang W., Lei Z., Junmei W., Hui L., Tianmin Z. Correlations between social media addiction and anxiety, depression, FoMO, loneliness and self-esteem among students: A systematic review and meta-analysis. *PLOS ONE*, 2025, vol. 20, no. 9, p. e0317892. DOI: 10.1371/journal.pone.0317892.

34. Petre C., Duffy B. E., Hund E. “Gaming the System”: Platform Paternalism and the Politics of Algorithmic Visibility. *Social Media + Society*, 2019, vol. 5, no. 4. DOI: 10.1177/2056305119879995.

Information about the author

Vaskova Anastasia A., Junior Laboratory Researcher,
Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation.
a.a.vaskova@utmn.ru

Received: 09.06.2026;

revised after review: 18.06.2026;

accepted for publication: 05.07.2026.